

Русские заимствования в языках Сибири. II¹

Предлагаемая статья продолжает начатую ранее серию публикаций², тематически связанных с подготавливаемым автором этих строк «Этимологическим словарем русских заимствований в языках Сибири» (далее – ЭСЗ), который, в свою очередь, является продолжением ранее изданного труда того же автора³.

Ниже речь пойдет о некоторых результатах, полученных в ходе работы над словарем русизмов в языках Сибири: главным образом, уточнениях, касающихся географии русских слов – источников старых заимствований (включая семантические заимствования, т. е. кальки). Большая часть материала, необходимого для демонстрации этих уточнений, представлена в ЭСЗ, на который даются соответствующие ссылки.

Лексический состав русских говоров севера Сибири изучен весьма неравномерно, а в какой-то части несомненно утрачен. В связи с этим представляют определенный интерес косвенные данные о лексике этих говоров в виде старых русизмов в долганском, северных говорах якутского и других языках севера Сибири.

Особенно показательна ситуация на Таймыре, где русские старожилы – так называемые затундренные крестьяне – в основном перешли на долганский язык. Их традиционный русский говор под сильным иноязычным влиянием превратился в пиджин («говóрку»). Затундренные крестьяне приняли участие в глотто- и этногенезе долган, завершение которого проходило на Таймыре, как полагают, в течение XVIII – первой половины XIX в. Начался же этот процесс с конца XVI в. на Вилюе якутизацией эвенков территориальной группы Дулган (ср. самоназвание долган *dolġan*, *dulġan*, *dulġān* < эвенк. *dulġan* ‘Дулган’ = ? ‘житель среднего течения реки’, ср. *дулин* ‘середина, половина’), часть которых постепенно перекочевала на Таймыр⁴. Контакты русских с долганами имели место еще до прихода последних на этот полуостров, и какую-то

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 98-04-06372.

² Аникин А.Е. Русские заимствования в языках Сибири. I // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999.

³ Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.

⁴ Убрятова Е.И. Язык норильских долган. Новосибирск, 1985. С. 5–13.

часть русизмов (плохо поддающихся идентификации, но, видимо, очень небольшую) они усвоили еще в «дотаймырский» период своей истории.

Таким образом, долганская лексика выступает как потенциальный источник по лексике русских старожилов Таймыра, которая довольно слабо отражена (а в определенной степени и не могла быть отражена) в соответствующих источниках по русской лексике. Некоторые сведения о русских словах на Таймыре могут быть получены и при анализе старых русизмов в нганасанском языке, а также в илимпийском говоре эвенкийского языка (на Таймыре, Турухане, Тазе).

Русские элементы в долганском исследованы Е.И. Убрятовой и М. Стаховским¹, в нганасанском – Е.А. Хелимским². Их исследования позволяют добавить к имеющимся сведениям о географии и истории большого количества русских слов указание на их таймырский ареал, что представляет интерес и для лексикологии, и для истории контактов русских и других обитателей Таймыра. Примерами могут служить слова *казак, кибас, князь, корова, крест, куреньга, оспа, пуд, сахар, соболь, струг, сувой, сухарь, фунт, юкола, якут*.

Предлагаемые ниже наблюдения дополняют упомянутые исследования Е.И. Убрятовой, М. Стаховского и Е.А. Хелимского. Вместе с тем привлекаются также лексические данные, которые относятся не к Таймыру, а к Восточной Сибири и могут дополнить имеющиеся сведения о распространении русских слов в этом обширном регионе.

Следует напомнить, что в Восточную Сибирь и на Таймыр русские сначала проникали из одного и того же района, а именно с северо-востока Западной Сибири: Таз (Мангазея) – низовья Енисея (а затем Нижняя и Подкаменная Тунгуска). Этот район находился в конце старых путей за Урал («чрезкаменных» Печорских и Мангазейского морского хода), став наиболее ранним «плацдармом» русской экспансии в Восточную Сибирь.

Сказанное, разумеется, не означает, что все ранние русизмы в долганском и т.д. могут быть соотнесены с упомянутыми старыми путями за Урал, хотя для многих слов севернорусского происхождения привязка к этому пути кажется естественной.

Севернорусские промышленники достигали низовьев Енисея еще в первой половине XVI в., т.е. задолго до начала колонизации Восточной Сибири в XVII в. Задолго до XVII в. ими были усвоены от ненцев на-

¹ Убрятова Е.И. Язык норильских долган. С. 67–73; Stachowski M. Konsonantenadaption russischer Lehnwörter im Dolganischen. Kraków, 1999.

² Хелимский Е.А. Русско-нганасанские языковые связи // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. 1: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. М., 1994. С. 129–134.

звание Енисея (ср. ненец. *Ензя* 'ям' 'Енисей'), а также этноним *тунгусы* (ненец. *тундос* 'тунгусы'). Мангазея получила свое название по ненецкому этнониму *Мотканзи*.

Этноним *тунгус* в Восточную Сибирь занесли именно русские, что видно как по памятникам русской письменности в Сибири, так и по заимствованию этого слова в якут. *тоһос, тоһус*, долг. *тоһус* 'тунгус' (ЭСЗ, 589). Не исключено, что в долганском это слово является «дотаймырским». До русской экспансии в Восточную Сибирь оно, по всей видимости, было локальным этнонимом наподобие сиб. устар. *ляки* 'самоеды по Турухану и Ванхе' < самод., ср. сельк. таз. *l'aqqa* 'товарищ'. Кет. *l'aak* 'селькуп', судя по *-aa-*, может происходить именно из русского [ЭСЗ, 377]. Этноним же *тунгус* постепенно стал очень распространенным, чем, кстати, обусловлено его выведение (встречающееся и до сих пор) из тюрк. *тоһғуз* 'свинья'.

К весьма раннему периоду постоянного русского присутствия на северо-востоке Западной Сибири, по всей видимости, относится усвоенное от северных самодийцев енис., сев.-кр. *сокуй* 'доха с наголовником', источник которого был близок к энецк. *sokuote* и сельк. таз. *soqqu* 'сокуй' [ЭСЗ, 522]. Конечное *-уй*, по-видимому, следует соотносить с *-уй* в рус. диал. *наракуй, синикуй* и др., появившимся в соответствии с описанным А.К. Матвеевым способом адаптации ненецких заимствований. Диффузию рус. *сокуй* на Таймыр удостоверяет долг. *hokuj, sokuj, hukuj, sukuj* 'зимняя одежда из оленьей шкуры с капюшоном' < рус. Не исключено также посредство другого русизма – эвенк. (илимпийский говор) *hokuj* 'глухая меховая одежда ненецкого покроя'. Лексема *sukuj* в якутских говорах на Яне указывает на то, что слово *сокуй* вместе с пришедшими с низовьев Енисея первопроходцами в свое время достигло этой реки.

К тому же периоду может относиться рус. енис. *согудать* 'есть сырую рыбу', сев.-кр. *сагудать* 'есть только что пойманную рыбу', турух. *сугудать*, таз. *сукотать, сукутать* 'то же' < энецк. **saguda-* < **saguda* 'есть сырое (рыбу, мясо)' [ЭСЗ, 491–492]. Вариант с глухими согласными обусловлен дистантной ассимиляцией *с.г.д.м'* > *с.к.т.т'* и/или меной глухих и звонких согласных, встречающейся в сибирских и севернорусских говорах (не исключено и иноязычное влияние, см. ниже).

Долг. *hogudaaj* 'свежая рыба, пойманная в теплое время года и потребляемая в пищу сырой' также может служить свидетельством диффузии (весьма ранней) рус. *сагудать* и т.п. на Таймыр. В [ЭСЗ, 491] долганское слово признается источником или одним из источников рус. *сагудать*, но, судя по *-aaj*, *hogudaaj* происходит из рус. *сагудай* или *согудай*, императива от *сагудать, согудать* (ср. якут. *boronni* 'борона' < рус. *бороні* от *боронить* и аналогичные примеры). К тому же источнику

восходит, вероятно, и якут. Анабар *sabadaaj* (= долг. *hogudaaj*), где вокализм может быть обусловлен выравниванием по гласному *-a-* в первом слоге рус. *сагудай*. Эвенк. (олимпийский говор) *акута-* (< ? **накута-* < ? энецк.) особенно близко к русским формам с инлаутными глухими [ЭСЗ, 491].

Слова, которые, подобно рус. *тунгус*, *сокуй* и *согудать* могли быть заимствованы на северо-востоке Западной Сибири, попасть оттуда на Таймыр и в Якутию и быть усвоены из русского в долганский, якутский и другие языки, несомненно, единичны. Продолжая наблюдения над диффузией русских слов на восток от Енисея, можно опереться на сопоставление явных или потенциальных русских заимствований в аборигенных языках Таймыра и Якутии с лексикой русских говоров Западной Сибири, Урала и, шире, великорусских.

Долг. *taas* 'южный ветер' по форме принадлежит к тюркскому фонду (= *taas* 'камень'), но его семантику едва ли можно объяснить, не допуская влияния со стороны фактов типа рус. *турух. каменный ветер* 'ветер с восточного гористого берега Енисея возле Туруханска' и, далее, рус. (нижнее Приобье) *каменный ветер* 'ветер с запада, с Урала'¹, которое, в свою очередь, обусловлено влиянием со стороны хант. *kei-vaat* 'западный ветер' при *kei* 'камень; Урал; запад' и сходных «каменных» названий ветра в обско-угорских и ненецком языках [ЭСЗ, 256–257]. Долг. *taas* как название ветра предполагает, таким образом, занесение с Турухана/Енисея на Таймыр русского выражения *каменный ветер*, которое и стало образцом для долганского. Долг. *taas*, вероятно, явилось результатом эллипсиса словосочетания *taas tyala* <каменный ветер> (*tyal* 'ветер'), которое встречается в северных говорах якутского языка и тоже может быть отнесено на счет русского влияния. Последнее подтверждается наличием колым. *каменный ветор* 'ветер, дующий из ущелий каменного берега (Колымы)'. География этого выражения в Восточной Сибири уточняется при учете якут. *taas tyala* 'кратковременный ветер у горы (среднеленское); южный ветер (Индиگیرка); ветер с противоположного берега Колымы'. Вариации семантики обусловлены, вероятно, локальными географическо-климатическими условиями, в частности, расположением «камня» (гор, каменного берега и др.), с которого дует ветер, по отношению к обитателям места у этого «камня».

Самоназвание оймьяконских якутов *taas žono* <горный, каменный народ> может быть калькой с многочисленных русских этнонимов типа *каменные ламуты*, *каменные юкагиры*, которые продолжают связанные с Уралом-Камнем названия типа *каменная самаюдь* [см. подробнее: ЭСЗ, 256].

---

¹ О долганском слове в связи с русскими фактами см. специально: [DW, 233].

М. Стаховский связал долг. *buvāi, bubāt* ‘может’ с рус. *быва́ть* или *быва́ет*¹, но более точным этимологом долганского слова является рус. сиб., сев. *быва́т* ‘случается, бывает’, ‘возможно, может быть’ (вят., перм., тобол.); ‘случайно’ (колым.) [СРНГ 3, 235]. Долганское слово указывает, что рус. *быва́т* ‘возможно, может быть’ было известно и на Таймыре. Гласный -у- после б- – реликт древненовгородской фонетики, ср. др.-новг. *буть* ‘быть’, пск. *було́*², колым. *було́* ‘было’ [ЭСЗ, 16].

Нган. *хел"атә* [Хелимский, 132], долг. *päläätkä* ‘рыба пелядь’ [DW, 218] указывают на рус. (Таймыр) *пелядь, пеля́тка* или *пеля́дка*, которые следует добавить к данным о рус. сев., сиб. (арх., печор., Сосьва, Сныя, Обь, енис., колым.) *пеля́дь, пеля́ть* и др., *пель(д)ятка, пеля́дка*. Ранняя диффузия данного слова на Таймыр и Колыму из низовьев Енисея вполне вероятна [ЭСЗ, 464].

Колым. *пель(д)ятка* ‘пелядь’ в виде заимствования не отражено, но имеется колым. *нерпа* в том же значении (от *нерпа* ‘тюлень, нерпа’: «нерпой называют также рыбу пелядку по ее овальной форме» – В.Г.Богораз), заимствованное в якут. Колыма *näärpää, näärpää* ‘рыба пелядь’ < рус. [ЭСЗ, 425]. Расширение семантики русско-колымского слова имеет, по-видимому, локальный характер. Долг. *niärpä* ‘тюлень, нерпа’ (DW, 200) является старым заимствованием и как таковое свидетельствует о давнем наличии рус. *не́рпа* на Таймыре.

Недостаток данных затрудняет уточнение характера формального сходства между нган. *sigaa* ‘рыба сиг’ и рус. колым. *sigá* ‘небольшая нелемка’ [ЭСЗ, 514]. Можно допустить рус. (низовья Енисея) *sigá, распространившееся на Таймыр (ср. нган. *sigaa*) и Колыму.

Сиб. *дóведь* ‘проходная пешка, дамка (в шахматах и шашках)’ идентично арх. *dovet* ‘король в шашках’ в холмогорских записях Р. Джемса начала XVII в. Эти записи весьма диагностичны в отношении старых севернорусско-сибирских и особенно беломорско-мангазейских связей. Неопределенность ареала слова *дóведь* в Сибири (и не только в Сибири) может быть устранена при учете географии многочисленных заимствований из русского. Ниже отмечаются лишь некоторые из них (более подробно они рассматриваются в «Этимологическом словаре русских заимствований в языках Сибири»).

На давнее существование рус. *дóведь* на северо-востоке Западной Сибири указывает сельк. таз. *topäs, topis* ‘шашки, шахматы; шашка, пешка’, где конечное -s из рус. -дь = *m*, как в случае с сельк. *kos, kos* <

¹ *Stachowski M.* Konsonantenadaptation russischer Lehnwörter im Dolganischen. S. 86.

² *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 59.

рус. *хоть*¹. Из селькупского название шашек/шахмат проникло в хантыйский и кетский языки [ЭСЗ, 193–194].

Долг. *duobattar* 'шахматы' с суффиксом множественного числа испытало вторичное влияние русских форм *шашки*, *шахматы*, но исходное *duobat, несомненно, старое заимствование [DW, 81], свидетельствующее о бытовании рус. *доведь* на Таймыре. Сибирский ареал этого слова может быть уточнен далее с помощью якут. *duobat*, *duomat* 'дамка; шашки, шахматы' < рус. Шахматные фигуры (деревянные или из бивня мамонта), найденные при раскопках русских острогов XVII в. на севере Якутии, скорее всего, и назывались *доведь* [ЭСЗ, 194].

Долганский русизм *saraj* известен в двух значениях: 'амбар, сарай' и 'крыша'. В русских говорах северо-востока Западной Сибири *saraj* 'крыша' как будто не известно, но следует принять во внимание арх. *saraj* 'крыша крестьянского дома' и колым. *saraj* 'плоская крыша избы, амбара', к которым следует добавить камч. *saraj* 'возвышенности с плоскими (крышеобразными) лавовыми покровами'. Между архангельской и восточно-сибирскими филиациями данного слова должно существовать промежуточное звено, а именно рус. енис. *saraj* 'крыша', которое могло быть занесено на Таймыр и попасть в долганский. Не исключено вместе с тем «дотаймырское» заимствование, в пользу которого свидетельствуют якутские и эвенкийские данные, уточняющие распространение рус. *saraj* 'крыша' в Якутии: якут. (юго-западные районы Якутии) *saraj*, эвенк. (юго-восточные районы Якутии) *saraj* 'крыша, кровля' < рус. [ЭСЗ, 502]. Таким образом, рус. *saraj* 'крыша' было распространено по всей Якутии.

Для истории русского источника долг. *saraj* 'амбар, сарай' существенно манг. (XVII в.) *saraj* 'крытое хозяйственное помещение', которое следует сопоставить с арх. *saraj* 'длинное помещение на русском дворе' у Р. Джемса [ЭСЗ, 502].

Общерусское распространение тюркизма *saraj* в значении 'амбар, сарай, навес' (откуда 'крыша' в архангельских и затем в сибирских говорах) и наличие этого слова в литературном языке затрудняют выводы относительно возраста долг. *saraj* 'то же'. Однако, скорее всего, речь также идет о старом заимствовании, как и в случаях с якут. диал. *saraj* 'название летних стойбищ над рекой, на высоких местах, где исстари проживала группа хозяев' (*Kür saraja* и др. названия урочищ на нижней Лене²), эвен. *čarāj*, *saraj* «сарай» [ЭСЗ, 502].

¹ Хелимский Е.А. Keto-Uralica // Кетский сборник. Л., 1982. С. 247.

² Воронкин М.С., Алексеев М.П., Васильев Ю.И. Диалектологический словарь языка саха. Новосибирск, 1995. С. 158.

Из приведенных и аналогичных примеров может быть составлен целый словарик, который явился бы существенным дополнением к имеющимся сведениям об истории лексики русских говоров на Таймыре и в Восточной Сибири. Эти дополнения, быть может, не столь существенны для общерусской лексикологической и этимологической проблематики, но для регионального словаря сибирских говоров они, конечно, весьма значимы. В заключение можно указать на самоназвание затундренных крестьян *пааснай* (этим словом они противопоставляют себя долганам), которое можно расценить как деталь в сибирской истории устойчивого словосочетания *пашенный крестьянин*. Эта деталь интересна уже тем, что на Таймыре нет никакой пашни [ЭСЗ, 462].

Н. М. Ивашова
Уральский университет

Фонетико-морфологические особенности освоения прямых заимствований западноевропейского происхождения в говорах Русского Севера

Заимствованное слово в русской принимающей среде неизбежно претерпевает изменения как в отношении звукового состава слова, так и в отношении морфолого-словообразовательных показателей.

Все иноязычные лексемы, отнесенные к прямым заимствованиям, проникли в говоры через устную речь. Их закрепление в говорах и лексикографическая фиксация произошли позднее. Объектом восприятия иноязычия являлось звучащее слово, а не графическое. Как отмечено у Е.Э. Биржаковой и др., «характер воспроизведения услышанного по самой природе восприятия многообразно варьировался (особенно в том случае, если воспринимающий субъект – монолингв). Но дело осложнялось и тем, что звуковой состав иноязычного слова, попадавшего в русский язык устным путем, мог быть различно интерпретирован в пределах различных русских диалектных подсистем»¹. Мы же рассматриваем вхождение иноязычий в рамках одной диалектной подсистемы – говоров РС, и, соответственно, наблюдаем не такое разнообразное варьирование формы заимствованных слов, как в случае проникновения иноязычий в разную в территориальном отношении принимающую среду.

Произносительные варианты прямых заимствований в говорах Русского Севера немногочисленны. Наблюдаются следующие фонетические изменения в иноязычной основе.

---

¹ Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Л., 1972. С. 182.